

КНАСТЕР

Дмитрий Захаров

КЛАСТЕР

альпина

ПРОЗА

Москва, 2025

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.12
3-38

Редактор АНАСТАСИЯ ШЕВЧЕНКО

Захаров Д.

3-38 Кластер : [роман] / Дмитрий Захаров. — М. : Альпина нон-фикшн, 2025. — 414 с.

ISBN 978-5-00223-324-3

Три корпорации схлестнулись в смертельной схватке за право производить уникальный инновационный материал. Того, кто освоит производство полупроводника арсенид голландия, ждут несметные богатства и неограниченная власть. Но дело в том, что кластер — объединённое гнездо конкурирующих корпораций — потёмкинская деревня промышленного масштаба. Главное противостояние идёт на двух уровнях: информационном и... игрушечном. Нет, это не ошибка. Побочный эффект чудо-полупроводника — ожившие игрушки, населяющие детский мир, с недетскими мечтами о свободе, которую нельзя обрести без боли и потерь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2=411.2)6-445.12

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru

ISBN 978-5-00223-324-3

© Д. Захаров, 2025
© Художественное оформление, макет.
ООО «Альпина нон-фикшн», 2025

То, что нас не убивает,
совершает большую ошибку.

Надпись на стене

МЫШИНЫЙ ШАГ

Голову генеральному отрезали легко. Ирка аккуратно чиркнула лезвием, слегка надавила — и вот уже башка Петра Михайловича валяется на полу.

— А вы уверены, что новый ходит в белом? — засомневалась девочка-палач.

Андрей ещё раз смерил взглядом стенд. Теперь в его левой части громоздилось безголовое чучело в костюме то ли жениха, то ли моряка в парадном. Андрей пожал плечами.

— А есть разница?

— Ну, не зна-а-аю, — капризно протянула Ирка, всем видом давая понять, что разница есть. — Он, может, и не такой совсем. И может, не любит белый. Полно народу, кто не любит белый! Вот и на фотке он в свитере.

— В джемпере, — автоматически поправил Андрей. — Ира, клей голову и не отвлекайся, осталось меньше часа.

Он толкнул дверь и провалился в вавилон. Монтёры, облепившие стремянки, вешали на стены приветственную белиберду. Тут и там возникали уборщицы с пылесосами и тряпками. Мимо носились толпы лакированных гейш, то и дело роняя стопки бумаг, поскользываясь на каблуках и что-то выкрикивая. Промелькнула тень начальницы орготдела с сахарницей в руках. Наконец незнакомая леопардовая девица

едва не засветила Андрею гигантским портретом по голове.

От греха подальше Андрей поспешно свернул к лифтам. Ему было нужно на девятнадцатый, но кабина шла только по чётным. Это значит — спрыгивать на этаж раньше, а дальше — через Финуправление. В обычной жизни к «финикам» никто сам не ходит, поскольку местные давно выработали видовой признак — смотреть на тебя как на говно. Но как раз сегодня здесь может быть весело. Сегодня ведь «в связи с утратой доверия» провожают Игоря Леонидовича. Двери лифта со всхлипом разъехались, и оказалось, что «весело» — не то слово. Здесь не было беспорядочной беготни, заполошных криков и офисных орд. Здесь вообще, казалось, не было никого и ничего, кроме неспешных тихих людей в синей форме.

Синие проплывали сквозь разбитые стёкла секционных перегородок и распахнутые двери кабинетов с выломанными замками. Выносили пухлые нумерованные папки и сваливали их прямо в коридорах. Хлопали дверцами шкафов и сейфов. Потрошили, пристально рассматривали и надписывали.

Пытаться проскочить через весь этот джаз не имело смысла. Андрей сразу свернул к «конкурсам и закупкам», надеясь, что их коридор пострадал меньше. Однако за первым же поворотом навстречу попались те же синие. Они сопровождали теперь уже бывшего начальника

«фиников» Игоря Костылева. Выглядел гросс-бухгалтер отлично: рубашка разорвана, мокрые волосы залепили лицо, пальцы оставляют на полу кровавые следы, из носа сочится красное. Один из синих то и дело подходил к Костылеву и пинал его под дых. Несильно так, с пониманием. Костыль в ответ булькал, задышался, но снова принимался ползти.

Андрей чуть притормозил, пытаясь напоследок запомнить лицо Игоря Леонидовича. Жаль, надолго останавливаться было нельзя, и он свернул в параллельный коридор. Омерзительный был тип. Сидит, бывало, и, глядя на тебя, нижнюю губу пощипывает. «А это всё блажь, — говорит добреньким голосом. — А обоснованиями вашими подотритесь. И тем мудакам, что вам их готовили, кусочек оторвите». Гондон.

На девятнадцатом мордатый охранник в усах, тот самый, что проверял Андрея перед прошлым совещанием, снова потребовал удостоверение.

— Вы что, меня не помните? — зачем-то спросил Андрей.

Охранник смерил посетителя скептическим взглядом и ничего не ответил. Удостоверение морда рассматривала долго: проверяла дату, подносила к свету фотографию, скребла по пластику ногтем. Хотелось съездить усатой скотине в глаз и потом добавить пару раз по зубам. Но вместо этого Андрей принялся разминать левой рукой

пальцы правой, громко щёлкая костяшками. Это почти всех раздражает.

Наконец охранник вернул удостоверение, чуть посторонился, и Андрей, толкнув дверь, протиснулся в холл. Перед кабинетом шефа Департамента развития уже толпились кураторы направлений. Держали разговоры про предстоящий запуск, аккуратно шутили про «новую метлу» и предусмотрительно помалкивали об истории с Костылевым.

Чтобы убить время, Андрей прошёлся вдоль алого золота здешних икон — портретной галереи, в которую прежний гендир обернул бóльшую часть приёмной. На самом верху, как и положено, водрузили Верховного. Его изобразили в любимом лётном шлеме, на котором красовалась эмблема «Микрона»: медведь, разрывающий атомное ядро. От Верховного вниз пирамидкой генеалогического дерева разбежались профильные министры, советские атомные директора и, наконец, директора «Микрона» — уже в обновленном составе, с большеглазым и лысоватым новым — Петром Михайловичем.

Андрей тоже держал в кабинете похожий иконостас, только с любимцами юности Билли Корганом, Пи Джей Харви и Джошем Хомме. Посетители поглядывают на незнакомые лица, но ничего не говорят. Должно быть, думают, что это сенаторы кластера — их никто не помнит в лицо. Андрей и сам вряд ли бы смог опознать нынешний состав: уже много лет сенаторы — это

какие-нибудь трижды заслуженные первопроходцы, списанные со всех постов ввиду невозможности доверить им отточенный карандаш. Так и не поверишь, что во времена прежней атомной конторы — Русмикро — в совете действительно что-то варилось. Вроде бы даже публично фехтовали с руководством кластера. С ума сойти, короче.

Планёрка началась вовремя, и это было дурным знаком. Обычно руководство даёт себе фору: чем больше, тем менее серьёзный разговор предстоит. И наоборот: следование регламенту подтверждает, что лучше вжать головы поглубже, поскольку на ЭсЭс Рябова накатило.

Начдеп Сергей Сигизмундович — маленький сутулый человек, будто бы личинка своего огромного кресла, — пренебрёг предварительными ласками и сразу же объявил главную новость. Глядя прямо перед собой и постукивая по столу двумя пальцами, он сообщил, что президент кластера срочно выехал в Иран и прибыть на запуск не сможет. В связи с этим новый гендиректор «Микрона» принял решение отложить включение установки на неделю. Все сопутствующие мероприятия — тоже.

Это был даже не удар, а выстрел в голову. Андрей почувствовал, как задёргалось левое веко. Почему-то всегда левое. Он на секунду закрыл глаза, а когда открыл, перед взглядом поплыли мыльные пузыри.

Снова отложить производство первой партии было абсолютным, космическим провалом. Как с улюлюканьем сжечь ракету на стартовой площадке. Как под крики «ура» пустить на дно свою новейшую субмарину. «Микрон» будет во всех новостях недели две — без вариантов. А потом и за полгода не отмоешься, даже если широким гребнем цеплять эфиры, скупать полосы и посты.

«Иран... — попробовал на вкус это слово Андрей. — Какой, мать вашу, Иран! У них что там, совсем гуси улетели?! Какой может быть Иран вместо запуска?!» Он в подробностях представил вечерние новости, особенно на второй кнопке, которая сейчас под Росастро. А ещё раньше взвоят тг-каналы, заведя хоровод глумливого скотства. И потом ещё приглашённые. И смешки работяг. И концерт. Твою за ногу, ещё же концерт...

Андрей поднял руку, и Рябов тут же поймал его в прицел квадратных очочков. Чуть качнул подбородком, разрешая говорить.

— Я хотел бы обсудить, что делать с отменой концерта, — сказал Андрей неожиданно хрипло. — Думаю, имеет смысл составить список ответственных за работу с техподдержкой, арт-менеджментом, приглашёнными...

— Ах да, — перебил его Рябов, — своевременное замечание. Как раз концерт отменять не будем, там были сложные договорённости. Только начнём его в свете последних событий на пару часов пораньше. Ещё новости.

— Мы не успеем, — сказал на это Андрей.

— Что значит «не успеем»? — притворно удивился Рябов. — Вы, Андрей Сергеевич, не можете не успеть. Участок работы не позволяет.

— Сергей Сигизмундович, мы же сейчас о внешних говорим. Они нашим распоряжениям не подчиняются. Я никак не успею организовать аккредитацию и пропустить журналистов через безопасность.

Некоторое время молчали. Рябов снял очки и задумчиво тёр их дужку пальцами. Остальные устали в ежедневники.

— Ни у кого нет идей? — наконец поинтересовался начдеп. — Скверно. У нас последнее время за что нихватишься — нет идей. Рекомендую поразмыслить, насколько это может быть чревато. Можете поинтересоваться в Финуправлении, кстати.

Он перевел взгляд на Андрея.

— Тогда так: прессу, раз с ней столько мороки, совсем убираем и занимаемся мероприятием как сугубо корпоративным. Серьёзным корпоративным мероприятием.

— Какой будет публичная версия? — спросил Андрей.

— Версия? — снова изобразил удивление Рябов. — Да не нужно никакой версии. У нас иранская программа с участием премьер-министра проходит.

Андрей выскочил из кабинета и прыгнул в лифт. Размахивая удостоверением, заставил

пустить его до своего седьмого без остановок. А оказавшись снаружи, сразу же набрал Ирку — старшую по концерту и музыкальной тусовке. От новых перспектив та ожидаемо впала в истерику.

— Пусть теперь сами рулят! — всхлипнула она и бросила трубку.

Андрей выждал полторы минуты и перезвонил снова. Ирка всё ещё злобно огрызалась, но сказала, что уже связывается с участниками. И вообще, не беспокойтесь, начальник, катитесь колбаской.

Андрей удовлетворенно хмыкнул.

— Ира, кто сегодня выступает, напomini ещё раз.

— Хотели, чтобы для разогрева «Бегония» вышла, ретро-диско. Но раз со временем всё меняется, будет сразу Алиса Сикорская. Под занавес — программа для ветеранов корпорации — «Золотые планки».

— Ага, — сказал Андрей. — Нормально. Сикорская... Я же правда откуда-то знаю эту фамилию?

— Ну-у, — протянула Ирка, — вряд ли. Лет пять назад были такие «Любовники Марии Стюарт». Она там пела. Но ты же такое, поди, не слушаешь?

— Значит, показалось, — согласился Андрей. — Ладно, Ира, побежали.

Оказавшись внутри концертного зала, он не без труда протолкался вперёд. Выяснив у Ирки, что в целом всё в норме — опоздание будет незначительное, перебрался в свой «сектор обстрела» — зону на стыке танцпола и отгороженной техплощадки, откуда просматривались одинаково хорошо как лаундж руководства, так и пространство перед сценой.

Начали хоть и по графику, но будто бы для отвода глаз: после того как погас свет, а зал рассекли зелёные и красные лучи прожекторов, минут двадцать ничего не происходило. В первых рядах шептались о годовой премии, тайком курили вейпы и неловко обнимались. Динамики расслабленно бубнили скучное ретро-попурри. Оставался буквально один шаг до того, как проявится дядя, который закажет для Толянчика «Шансоньетку».

При этом вокруг сцены потихоньку начали вырастать из пола ребята с витыми проводами от уха. На некоторых были злодейские чёрные очки, но Андрея куда больше смутили открыто поднятые к плечу ладные узи. На массовых мероприятиях «Микрона» вооружённая охрана появлялась и раньше, но чтобы взвод автоматчиков, напоказ...

«Мудаки, — думал Андрей, со злостью рассматривая ближайшего терминатора. — Зарницу, что ли, решили на отменённом мероприятии разыграть? Засветиться перед новым главным? Да что они, суки, творят?!»

И тут ударил барабан. Андрей вздрогнул и рефлекторно повернулся к звуку — на сцене по-прежнему была темень, и от этого казалось, что он идёт откуда-то ещё. Барабан продолжал колотить мерно, на одной ноте, к нему добавились клавиши, выводящие меланхоличную, прозрачную линию. А следом, будто бы вдалеке, заскрежетала виолончель.

Сикорская выскользнула из-под ограждения справа от сцены — и сразу же была поймана прожекторами. В перекрещивающихся кругах света оказалась высокая рыжая девица в зелёном платье-балахоне с серебристыми наплечниками. Она стояла, приложив руки ко лбу, будто проверяя, не поднялась ли у неё внезапно температура. Затем Алиса заулыбалась и, резко вскинув правую руку, помахала танцполу.

— Доброго! — крикнула она. — Здравствуйте!

Народ засвистел в ответ. На сцену полетели заготовленные общественной приёмной цветы — в сопроводительной записке говорилось, что звезда любит жёлтые розы.

— «Холодные»! — объявила Алиса.

Барабан и подключившийся бас добавили темп. Клавиши затихли, а всё отвоёванное ими пространство вдруг занял голос: высокий, ломкий и усталый.

— Мерцай-мерцай, звёздочка, — закрыв глаза, запела Алиса, и как-то сразу стало понятно, что это последняя песня. Самая окончательная.

После которой уже ничего не может быть. Да и не очень нужно.

Слова падали откуда-то сверху ледяными осколками, пока почти не кончились. Тогда Алисин голос вдруг остался на периферии, превратившись в далёкий детский плач, а сама Сикорская опустила на сцену и, скрестив ноги, чуть покачиваясь, нараспев выпевала одну и ту же строчку:

— ...спи-и-и, пока-а снег идё-о-от...

Барабана больше не было, а гитара вошла в бесконечный цикл, нанизывая петли. Тихо-тихо Сикорская повторяла свою выпавшую из стиха фразу. И с каждым произнесением музыка будто становилась отчаяннее и горше. Андрей почувствовал, что его бьёт электричеством, и тоже закрыл глаза.

И тут музыка рассыпалась. Алиса Сикорская снова стояла на сцене в полный рост.

Танцпол выдержал паузу секунд в десять. Затем зааплодировал — то ли в самом деле понравилось, то ли опять приёмная подстраховалась. Толпа пришла в движение, но ребята с узи качнули её от сцены. Алиса раскланялась, затем подобрала и бросила в зал цветы, а следом — воздушные поцелуи.

— «Мышиный шаг», — сказала она. — Это на самом деле очень древняя колыбельная.

Оказалось, что и после окончательной песни может забрезжить какой-то новый свет. Алиса исполняла композицию за композицией — в диапазоне от тихих клавишных баллад

до «боевиков» или резких диско-пульсов. Сеанс продолжался минут сорок. За это время Алиса пару раз сделала вид, что готова упасть со сцены в зал, вылила на себя две бутылки воды, вызвав взрыв довольных криков, а потом расстегнула и сбросила сапоги, оставшись босиком.

— Вот бы голову с пле-е-еч, — неслоь над залом, — голова будет лете-е-еть, колоколом звене-е-еть!..

Закончилось всё внезапно.

Андрей так и не понял, что случилось. Он только заметил, как один из охранников вдруг прыгнул под ноги зрителям — так делают в регби, когда хотят накрыть мяч собой. За охранником потянулся луч прожектора, и на пару секунд стало видно крохотный плакат. Разобрать всё не было ни времени, ни возможности, но первые слова были «мы ждём», а потом что-то про «фронт».

На помощь первому охраннику бросились ещё несколько. Остальные тут же выскочили на сцену, прикрывая певицу и музыкантов. Площадка в момент ошетибилась автоматами. В толпе хрипло завопили и бросились к выходу. Послышались тихие дробные хлопки — не то стреляли с глушителем, не то что-то лопалось под ногами бегущих. Люди сцепленным клубком катились к главному выходу. Дверь, у которой открылась только одна створка, ментально забила спрессованными телами. Около служебного входа началась рукопашная между парнями из техслужбы. Над головами

летали микшерские пульта и раскладные стулья.

Андрей успел увидеть лицо Сикорской — до крайности удивлённое. Алиса, не отрываясь, смотрела на пустеющий танцпол, по которому всё ещё подпрыгивали какие-то тени со своим странным плакатом. Чей-то локоть с размаху саданул Андрея по переносице, и в глазах враз помутнело. «Вот интересно, что там сейчас у генерального», — с отрешённым спокойствием подумал он, чувствуя, как лицо заливает кровь. Андрей понял, что падает, и полностью расслабился. Теперь сопротивляться уже было совершенно бесполезно. Его ещё дёрнуло от боли, когда чей-то каблук раздробил ладонь, а потом наступил на пальцы, но после этого уже ничего не было. Сознание наконец потерялось.

МЕТРАНПАЖИ

Сёма отскочил в сторону: светлая клеточка, на которой он стоял, пропала, выключилась вслед за лампой на потолке.

Теперь цельной дорожки до деревянного бруска нет, тёмное перечёркивает её дважды: через пять квадратов и потом совсем далеко — уже у выхода. Отсюда и не сосчитаешь, через сколько именно. Темнота подъела сразу два квадрата подряд, но вроде бы можно наискосок. Отсюда кажется, что можно. Конечно, если хорошо прыгнуть...

Сёма посмотрел на правую стену: кусочка света около неё теперь тоже нет. Как только центральный плафон перестал трещать и моргать усталым красным, правой стороне уже не перепадает даже мутного сумеречного пятна. Сплошная стена темени, такая плотная, что её, кажется, можно потрогать.

Сёма заворожённо протянул к этой чёрной глыбе лапу, но сразу отдёрнул — ему показалось, что лапа тоже начинает чернеть. Это, конечно, ерунда. Так не бывает. Просто немного страшно. Здесь всем немного страшно, и ему тоже. Это так и полагается. Это такое специальное место.

Сам не понимая зачем, маленький медведь пригнул голову и вжался в пол. Теперь он не шёл, а почти полз вперёд, зацепившись взглядом за разошедшийся деревянный брусок на линии

горизонта. Отсюда деревяшка выглядит просто мелким мусором, помаркой на чистом полу или чёрточкой на круге света. Но Сёма уже дважды подходил к ней вплотную и поэтому знает, что она такое. Медведь запомнил её во всех деталях. И запах, и какая она на ощупь. Очень приятная: шершавая и совсем не холодная, как остальное вокруг. И за ней сразу всё заканчивается — из-под створок ворот уже бьёт совсем другой свет. Можно встать на тёплое, толкнуть лапой облезлое железо двери и выйти. Совсем выйти.

Сёма сосредоточенно полз и ещё какое-то время прыгал по квадратам. Со стороны могло показаться, что он играет в гигантские классики, только подходит к игре уж слишком всерьёз: долго готовится к следующему ходу, выбирает место, прицеливается. Ритм игры сломался только там, где из освещённой дорожки были выбиты две секции. Медведь постоял, оценивая, можно ли будет как-то перебросить через них динозавра. Скорее всего, нет. Ему здесь не разбежаться.

И промахнётся он — Яша очень неуклюжий.

Попробовал примериться к другим путям — нет других путей.

И тут моргнула лампочка.

Это была всего секунда. Маленькая, ничего не значащая секунда, на которую три квадрата перед деревяшкой провалились и перестали быть частью пути. Сёма зажмурился от ужаса. Нет-нет, она надёжная! Она никогда раньше так не делала

и больше не будет! Сёма через силу снова открыл глаза и заставил себя уставиться на лампу. Она действительно больше не мигала. Медведь караулил лампу не меньше десяти минут и только после этого решил продолжить свой поход.

Наискосок перепрыгнуть и в самом деле получилось. Приземлился даже с запасом. До деревяшки добрался без проблем и ещё раз убедился — здесь всё по-прежнему. Чуть приоткрытая створка ворот, валяются гнутые гвозди и кусок будто бы жёваной резины.

Сегодня. Надо идти сегодня. В крайнем случае — завтра. А то действительно и эта заморгает... Сёма ещё раз оглянулся на лампочку. Светит ровно. Очень хорошо так, уверенно, будто бы ничего и не было. Ну и пусть её. Ну и ладно.

Назад, как обычно, пропрыгал в два раза быстрее. Рассматривая побитое пятнами чёрных дыр световое поле, снова вспомнил про динозавра и снова ничего не придумал. Вот ведь беда.

Некогда уже размышлять. Думали-думали, а оно вон как выходит — уже на четыре клетки больше погасло. И Катю всё равно потеряли из-за этого Второго фронта...

Он выбрался со склада и оказался перед завалом из металлических мусорных контейнеров. Они были составлены один на другой и рядом друг с другом — как кубики из конструктора. Те, что внизу, — пустые, а в верхних, если посветить фонариком, что-то блестит. Но никто лезть не захотел. Блестит и блестит. Мало ли.

Сёма повернул налево и обогнул циклопическую железную кювету, на которой было жирно выведено чёрной краской: «Ёбанные интиллигенты». Здесь уже почти совсем темно, со склада свет не добивает. Ещё шагов пятьдесят — и дальше на ощупь.

Маленький медведь пробирался мимо завалов из гнутой арматуры, каких-то раздавленных механизмов и старых вагонов-саркофагов корпорации Русмикро. В нескольких из них ещё даже аварийное освещение горит. Тускло совсем, но ориентироваться можно. Поначалу в депо даже радио работало, но это когда было-то...

На пороге Кукольного дома его никто не встретил. А ведь договаривались, что должны дежурить по очереди. Сёма несколько минут подождал, разглядывая солнце: из шести ламп лучатся три — к вечеру, значит, дело. Он уже собрался спускаться, как вдруг услышал грохот. Из правого шкафа прихожей выкатился Руся вместе со своими любимыми консервными банками на верёвочке.

Смешной тряпичный жираф с выпученными глазами. Не жёлтый, как полагается, а ярко-оранжевый. И не как все — опытный образец, а уже серийный, поэтому с пришитым логотипом Русмикро на боку. Ни у кого нет, а у Руслана есть. Ну и он из-за этого задаётся, конечно.

— Руся! — обрадованно крикнул Сёма, и жираф дёрнул в его сторону ушастую голову. — Вы почему не караулите?

Он не ответит. Никогда не отвечает.

— Иди, зови соседей, — заявил Сёма. — Доклад нужно сделать.

— Что-то нашёл? — оживился жираф. — Проход? Ещё какие-то?

— Ты позови, — уклончиво ответил медведь. — Расскажу же вот-вот.

Руслан недовольно топнул копытом, но промолчал. Задумчиво покачался, будто его трепало сильным ветром, и вдруг резко унёсся куда-то направо — наверное, к Ларе.

Дольше всех ждали Джека. Даже попугай приковылял, а щенка всё не было. Когда он наконец примчался со стороны ванной, динозавр уже яростно лупил по полу хвостом, а Лара достала из шляпки пальцы и вышивала. У щенка были дикие глаза, одно ухо мокрое, а голос опять почти не слышен. Правда, Джек этим уже никого не удивляет.

Три робота, два зайца, жираф, попугай, щенок и динозавр. Плюс Лара.

— Говори-говори уже! — крикнул синий заяц, аж подпрыгивая от нетерпения. — Все же теперь. Давно все уже. Говори!

Сёма сделал вид, что не обращает на него внимания, и стал разглядывать свою лапу. Она плоская, с еле заметными жилками ниточек, на пальцах кружочки из кожзаменителя и ещё один побольше внизу ладошки... А заяц всегда спешит. Торопыга. И никак не получается запомнить, как его зовут — он же в японской серии должен был выпускаться. Второго зовут Лека,

а этого... Как-то на «ка», что ли. Вот был бы он «Костя» — и всё понятно, а то морока одна.

— Сёма, это уже надоедает, — подала голос Лара. — Хватит твоего театра. Можно пройти или нет?

Лара, конечно, не глупый заяц. Лара настоящая. Но она тоже не понимает. Тут нельзя говорить сразу — это даже оловянные знают. Надо приготовиться, надо чтобы все почувствовали этот... как же его... момент. Да-да, так он называется. А как же они почувствуют, если Сёма сразу станет говорить?

— Я сейчас уйду, — предупредил Руслан.

— Владимир Кириллович, позвольте засвидетельствовать! — зло выкрикнул попугай.

Он всегда это говорит. Вместо речевого блока у него мини-диск с записью — поздравление и стих. Только по тому, как попугай выбирает слова, и можно понять, что он сейчас думает.

Сёма вздохнул.

— Вы просто какие-то метранпажи, — сказал он, задрал глаза к потолку.

Никто не стал уточнять, что он имеет в виду.

— В общем, так, — сказал Сёма, немного растягивая слова. — Проход есть. Очень слабый, меркнет местами, но есть. Я нормально сходил и туда, и обратно. И копошиться нечего — дальше будет только темнее. Сегодня надо собираться. — Он подумал и добавил: — Без всяких.

Один из роботов принялся ездить взад-вперёд. Заволновался, видимо. Зайцы совсем встали на уши: разгалделись и распрыгались.

— А что с Яшей? — спросила Лара. — Для динозаврика там нормально?

Сёма кивнул. Уверенно так, со знанием дела.

— ...в этот прекрасный вечер! — одобрительно крикнул попугай.

— Битые квадраты будем фонариками подсвечивать, — продолжил Сёма, — и тогда пройдем. Только сразу два надо.

— У нас всего один, — зачем-то сказал жираф. Все и так знали.

Под потолком хрустнуло, и собравшиеся задрали головы — трещина от солнца к сводам Дома расползлась ещё сильнее. Теперь она уже не казалась маленькой паутинкой. Чёрная грибница подъела всё пространство вокруг светила, и солнце выглядывало будто бы из огромной тёмной тарелки. От этого небо стало ещё ниже.

— Ой, — прикрывшись ладошкой, всхлинула Лара.

— Это всё конец верхнего света, — шёпотом сказал Руслан. — Орфей его обещал.

Сёме трещина тоже не понравилась. Не вовремя она. Лучше бы завтра или вообще потом. Но он бодро крутанул головой и снисходительно посмотрел на остальных: мол, что вы, в самом деле, как трусливые мыши.

Ему следует именно так смотреть. Он же ко-мандир.

— Надо идти к оловянным, — сказал он, не дожидаясь, пока обитатели Дома насмотрятся на обновлённое небо.

Красный заяц испуганно забарабанил лапой.

— Не надо. Без толку. Они не дадут, — запричитал заяц, который на «ка». — Давайте так.

— Нет, — отрезал Сёма, — так не выйдет. Нам фонарик нужен. Руся, идёшь со мной?

Жираф выглянул из-за Лары.

— Мы уже говорили, — сказал он, — мы слабые. Оловянные не любят слабых. Они разговаривать не будут.

— Мы будем не разговаривать, а меняться.

— Меняться? — удивился Руся. — Чем меняться?

— Это секрет, — строго сказал Сёма. — Там узнаете.

Динозавр раздражённо рыкнул и саданул хвостом так, что вокруг началось маленькое землетрясение. Один из роботов упал, и два других принялись его поднимать. Соломенная шляпка Лары съехала набок, и кукла огорчённо вздохнула.

— Ах, Семён, — произнесла она укоризненно, поправляя причёску, — сколько уже можно? Это совершенно ненужные тайны!

Но на сей раз Сёма не поддался. Есть план, и он будет всё делать по плану. Хотите идти — пожалуйста. Не хотите — дело ваше. Он и один справится. Вернётся и скажет: «Фонарик лежит на пороге восьмой комнаты, можете забирать».

И всем станет стыдно. А он накинет на шею шарф и пойдёт вперёд, не оглядываясь. И пусть тогда бегут следом и просят прощения.

Сёма так замечтался, что даже закрыл глаза. Он стал представлять себе весь путь до Комнаты мальчиков и вспомнил его довольно подробно. Вот только неясно, как в одиночку через баррикаду на пороге перелазить. Там обычно подсаживает кто-то. А если никого не будет...

Преппирательства и бессмысленные разговоры всё не кончались. Сёма уже окончательно собрался идти один, когда к нему вдруг подошёл Джек и уселся у самых лап. Он что-то пробормотал, но разговорный блок снова не сработал. Все враз замолкли, а Сёма погладил щенка по голове.

После этого захотел идти динозавр Яша. Он проковылял через всю площадку и встал за спиной Сёмы. Маленький медведь слышал, как он фыркает и посвистывает. А в последний момент вызвался и Руся. Он начал болтать что-то высокопарное, но Сёма не слушал. Он сгрёб жирафа за шею и прижался к его смешной пятнистой шкуре из кожзаменителя.

Выходить решили ещё до выключения солнца.

ЛЮБОВНИЦА МАРИИ СТЮАРТ

Это был её апарт. Она всегда жила тут, когда останавливалась в Новом Сити — инновационном кластере, если по-телевизионному. Правда, куда чаще район зовут «зубами» из-за плотно притиснутых друг к другу многоэтажек «Микрона», «Мекома» и Росастро. И плевать, что челюсть кривая — крайний левый «зуб» торчит как коронка, плохо подогнанная по размеру, а второй справа подпилен и заляпан разноцветными пломбами гигантских баннеров.

Важно, что апарт отличный — его делали по Алисиному заказу. Он похож на детскую, которая была у неё когда-то — далеко-далеко и давно-давно отсюда. В эту квартиру никого больше не селили — администрация «Музыкального города» сделала Алисе такой комплимент. Комплимент от шефа.

Её личный пряничный домик с привкусом детства. Кругом разложены большие мягкие игрушки, за стеклом серванта сидит плюшевое облако из «Времени приключений» с нахально высунутым языком. А на синих обоях проглядывают контуры маленьких жёлтых звёздочек. Если погасить люстру и бра, звёздные пятнышки какое-то время будут светиться, а в комнате станет уютно и приятно одиноко. Как будто это такая маленькая тайна, которую больше уже никто никогда не узнает.

— Ты же здесь спала с Алишером? — спросила Юлька, которая, оказывается, уже просочилась из коридора.

Алиса неопределённо повела головой.

— Да ладно, Лис, это все знают, — подхихкнула Юлька.

Алиса ничего говорить не стала. Она прошла вдоль серванта, щёлкнула по носу облако и остановилась у зачем-то поставленной на полку собственной фотографии. На ней Алиса стояла с закрытыми глазами и, хотя видно её было только по пояс, почему-то казалось — на цыпочках. Вроде бы это был концерт в Риге. А может, в Таллине, размылось уже...

— Выключи свет, — сказала Алиса Юльке.

— Для интима ещё рано.

— Вот дура. Выключи.

Юлька показала язык и, демонстративно отвернувшись, ушла из комнаты. Можно, конечно, и самой дойти до выключателя, но это же надо поднимать и переставлять ноги. А они вдруг стали тяжёлыми и неудобными. В них как будто желе накачали. Алиса резко почувствовала, что силы кончились и земля кружится, даже когда стоишь на месте. Заныла шея, и закололо слева в районе поясицы. Опять почка, наверное.

Нет, никуда она не пойдёт. Она упадёт на синий диван и уже не будет подниматься. Подниматься нет никакого смысла. И необходимости тоже нет. Юлька, конечно же, вернулась и хлопнула ладонью по выключателю. После